Например, рассказ о начале работы Димитрия у крестьянина имеет в списках *О* и *И* явные пропуски, восполняемые по списку *Б:*

Б

Благоверный же князь Дмитреи рад бысть и рече ему: «Рад, господине, у тебя труждатися». И тако зимнюю пору работаше всякую домашнюю работу. Приспевшу бо новому лету, благоверный князь взя шкапу, сиречь жребя, поехаша на поле и нача землю пахать единою шкапою аки десятью (стр. 57).

О

Князь же великии Димитрии рад бысть и нача работати всякую домашнюю работу. Поехаша на поле землю пахать единою шкапою аки десятью (л. 182).

И

Князь же Димитрии рад бысть, нача работати зимою всякую домашнюю работу. Приспевшу же убо новому лету, князь же Димитрий поехаше на поле землю пахать единою шкапою десятою (л. 196 об.).

Как можно видеть, в списке *О* пропущено упоминание о работе Димитрия в «зимнюю пору» и о начале нового лета, что соответствует всему содержанию повести, таким ее деталям, как наем работника на год, до «Дмитриева дня» (26 октября). В списке *И* пропущен союз «аки», вследствие чего теряется сравнение одной клячи («шкапы») с десятью; попытка исправить «десятью» на «десятою» приводит к бессмыслице. Явный пропуск в списке *И* можно указать также в рассказе об урожае Димитрия:

О

Уроди же ся хлеб на земли в седмь седмицею, лутчи иных земель, никто такова хлеба не помнит. Христианин же убра хлеб и не весть, где ево спрятать (л. 182).

И

Уродиша иже ся хлеб в седмь седмерицею, лучше иных мест, где его спрятает (л. 196 об.).

Таким образом, время создания повести должно быть отнесено к более раннему периоду, чем тот, которым датируется старший список (*О*); скорее всего, повесть была создана на рубеже XVII—XVIII вв.

Близость «Повести о Димитрии Римском» к циклу сказаний о гордом царе, отмеченная М. И. Соколовым, определяется общей сюжетной схемой: неверие в Евангелие — кощунство — охота — подмена царя — возвращение его на царство после продолжительных скитаний. Однако наша повесть отличается от близких произведений, таких как «Повесть о царе Аггее»[6] и «Приклад о гордом цесаре Иовениане» из «Римских деяний»,[7] конкретной разработкой буквально каждого эпизода. Различны тексты писания, служащие основой для повествования: в «Повести о Димитрии Римском» — «единым днем царь богат, и нищ, и убог», в «Повести о царе Аггее» — «богати обнищаша и взалкаша, а нищии обогатеша». В «Прикладе о цесаре Иовениане» совсем нет кощунства в церкви: Иовениан наказан за мысленное сравнение себя с богом, поэтому здесь нет и эпизода с вырезанием слов из Евангелия.

Подмена царя во время охоты в «Повести о царе Аггее» и в «Прикладе о цесаре Иовениане» связана с купанием; на основе этого мотива, в частности, объединял ряд сказаний А. Н. Веселовский.[8] «Повесть о Димитрии Римском» не имеет мотива купания и сохраняет лишь его элемент (потеря одежды), иначе решенный. Приключения героев, следующие за потерей одежды, совершенно различны.

---

[6] А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. — Записки Академии наук, т. 40, приложение 4, СПб., 1881, стр. 147—150.

[7] Римские деяния, вып. I. СПб., 1878, стр. 69—85.

[8] А. Н. Веселовский. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.